

Александр Иванович Куприн

Хорошее общество

Александр Куприн
Хорошее общество

«Public Domain»

1905

Куприн А. И.

Хорошее общество / А. И. Куприн — «Public Domain», 1905

«Собираясь войти в гостиную, Дружинин вытирал платком запотевшие стекла пенсне. За малиновой бархатной портьерой послышалось твердое, уверенное, хорошо знакомое ему постукивание каблуков. Щеголеватой походкой нестареющего сорокапятилетнего мужчины Башкирцев шел через переднюю с какими-то чертежами и планами...»

Содержание

I	5
II	8
III	10

Александр Куприн

Хорошее общество

I

Собираясь войти в гостиную, Дружинин вытирал платком запотевшие стекла пенсне.

За малиновой бархатной портьерой послышалось твердое, уверенное, хорошо знакомое ему постукивание каблучков. Щеголеватой походкой нестареющего сорокапятилетнего мужчины Башкирцев шел через переднюю с какими-то чертежами и планами.

– А-а! соль земли русской... Ну, как поживает международно-литературная конвенция? – не останавливаясь, с наигранной любезностью приветствовал он гостя и на ходу же добавил, взявшись за хрустальную ручку дубовой двери в кабинет: – Сара Бернар очень обрадуется, у нее там какие-то дела к вам...

На секунду Дружинин увидел чью-то поддевку, рыжую бороду, инженерские петлицы и серую атмосферу комнаты, в которой долго сидели и много курили.

В кабинет прошел лакей с подносом, уставленным стаканами, горкой нарезанного лимона и сушками.

Недолго, пока отворялась дверь, слышался убежденный, звучный голос Башкирцева и видно было, что он уже совершенно забыл, кого видел и с кем говорил минуту назад.

Как всегда от приветствия Башкирцева, Дружинин вместе с беспокойной подавленностью почувствовал себя глупо-молодым, отгороженным чем-то крепким и непроницаемым от этого умного, занятого барина. И он мучительно злился, что по бесхарактерности не может ответить человеку, которого в сущности не уважал, чем-нибудь вроде «неунывающий россиянин».

Много раз Дружинин давал себе слово не ходить в это «сыто-бюрократическое заведение», и за каждый визит свой к Башкирцевым оправдывался перед собственным самолюбием тем, что ему нет дела ни до madame, ни до monsieur Башкирцевых, а ходит он ради Риты. Рита, по его мнению, была сделана «совсем из другого теста, как ее папа и мама». Это милый ребенок, чуткая, талантливая девушка, из которой выйдет далеко не заурядная артистка с удивительно интересными настроениями.

Получая иногда от Риты какую-нибудь оригинальную открытку или журнальную вырезку, где говорилось о нем, Дружинин умиленно улыбался и говорил:

– Милая козочка – не забыла...

Но, кроме Риты, все в доме Башкирцевых неприятно действовало на Дружинина. Раздражал его нелепый крик попугая, развязная балованность до противного вымытых собак, многочисленная, хамски угодливая прислуга, делающая различие между гостями, благотворительность madame. Даже самое покровительство Башкирцевых дружбе их дочери с Дружининым больно уязвляло его самолюбие: «Точно за человека не считают».

Однажды, на именинном обеде, лакей за шампанским подал Дружинину обыкновенного белого вина. Этот случай заставил Дружинина не бывать у Башкирцевых несколько недель. Тогда Рита написала ему:

«Голубчик Павел Дмитриевич, я по вас соскучилась – отчего вы к нам не приходите? Я думала, что вы хоть сегодня придете, – не пришли. Жаль ужасно. Впрочем, если почему-либо не хотите, то, конечно, не стесняясь, не приходите до тех пор, пока не захочется. Только, когда придете, не говорите нашим, что я вам написала, а то мне будет влетанция, так как это не хорошо, не принято. Но вы симпатичны мне кажется, голубчик. И мне, в моей обстановке ужасных

людей, ужасно радостно вас видеть. Ну, до свидания, очень буду рада, если до скорого.

Р.Б.».

На боках письма было приписано с одного конца: «Сейчас только вспомнила, что вы красный цвет ненавидите. Ну, да письмо переписывать лень». С другого: «Господи, не вы ли это мне прислали что-то? Я получила городскую повестку. Кстати, поздравьте, сегодня я нашла двугривенный. Не правда ли, смешно?»

Сегодня она написала ему на клочке торопливым, взволнованным почерком:

«Голубчик Павл. Дмитр. Непременно, непременно, сейчас же приходите, как получите это. У меня ужасно, ужасно большая неприятность...

Ваша Р.».

Проходя через гостиную, Дружинин с улыбкой под усами вспоминал это письмо и думал: «Ужасно большая неприятность заключается в том, что мама не разрешила играть на клубной сцене».

Риту он застал в полутемной диванной. Она сейчас же схватила его за руку и повлекла в глубь комнаты.

– Вы знаете, что случилось? – начала она трагическим шепотом.

– Нет, не знаю... – улыбаясь, глядя сверху вниз на Риту, ответил Дружинин.

– Да нет, вы не смейте смеяться, – закричала она сквозь слезы.

И, опять понизив голос до шепота, Рита начала говорить размеренно и таинственно, широко и с ужасом округлив глаза, точно старая нянюшка, когда она вечером рассказывает страшную сказку.

– Вы знаете, Верочка Снежко... – говорила она внушительно, с ударениями и дергая на этих ударениях Дружинина за руку, – украла у своей квартирной хозяйки брошь и два браслета... И теперь она в тюрьме... Да. Ее будут судить... Вы понимаете, на нее, маленькую такую, беленькую, наденут арестантский халат, запрут с этими грязными преступниками... Милая моя Снежинка... – Голос Риты от шепота поднялся до истерической высоты и зазвенел: – Снежушка моя, милая Снежинка...

Она заломила руки и замотала головой...

– Что вы говорите? – глухо произнес Дружинин, и в то же мгновение у него мелькнула мысль, что он уже где-то видел подобную сцену с заламыванием рук и припадочным мотанием головы. – Верочка Снежко украла...

Рита опустила руки.

– Ну да... взяла в комодке брошь, два браслета и заложила их.

Дружинин с силой двинул плечами и хрустнул пальцами.

– Что такое... Похоже на кошмар...

– Постойте, – заговорила Рита, сразу успокоившись, – сядемте здесь, я вам все расскажу.

У Риты была манера складывать по-старушечьи руки пальцы в пальцы и сидеть сгорбившись. И теперь она уселась в свою обычную позу и заговорила серьезно, повествовательно, время от времени заглядывая снизу Дружинину в лицо.

– Знаете, она страшно нуждалась... Вы этого не знали, она просила не говорить... Ведь она такая гордая была... Ну, так вот... И за ней ухаживал этот старик, знаете, этот противный с толстыми закопченными усами, что жил напротив, я еще смеялась, что Верочка влюблена в него... Но, конечно, она не хотела себе позволить ничего такого гадкого... Потом ей нечем было заплатить на курсах... Вы ведь знаете, у нас на драматических ужасно дорого берут... Я просила папа, и он обещал, а потом вышла ужасно глупая история, конечно, она сама виновата... Голубчик, я вам тогда солгала, за что поссорилась с Верочкой, не сердитесь, голубчик, потому что это в сущности и неинтересно... Папа ей что-то сказал, так знаете, вероятно, как он

всегда – Сара Бернар, Сара Бернар, а на нее – Снегурочка... но ведь он уже пожилой, не правда ли, ему можно... А она обиделась, обиделась и к нам перестала ходить. Потом мама на нее была недовольна... знаете ведь, татапа страшно ревнива, у нас ведь и все горничные ужасные рожи... Ну, так вот... встретились мы как-то на курсах, я спросила, почему она не приходит, и она мне ужасную дерзость сказала. «Твой, говорит, отец...» Но я даже не могу сказать – меня это ужасно тогда обидело... Ну, это, конечно, забылось, я уже хотела написать ей или самой сходить, как вдруг сегодня утром получается повестка... Меня вызывают к следователю свидетельницей... Поймите, какой ужас... Папа ездил туда, на прежнюю ее квартиру, и все это узнал. Голубчик, Павел Дмитриевич, поймите, какой ужас... Теперь папа говорит, что он возьмет докторское... это... как его, удостоверение что ли, чтобы я не шла в свидетельницы. Но ведь, голубчик, может, ей это очень нужно... а...

– Конечно, вы многое можете показать, смягчающее ее вину... – мрачно и решительно отозвался Дружинин, перекручивая в пальцах и кусая бороду.

– Вот я то же самое говорю, а наши не хотят, у нас сегодня с утра война, то есть больше с татапа. Папа, тот ведь знаете какой, – он что-нибудь решит и на других даже внимания не обращает. И в разговор не вмешивается, как будто иначе и быть не может.

В полутьме из дверей, ведущих в комнаты, в которых Дружинин никогда не был, послышался слабый болезненный голос:

– Ри-и-та.

Рита вскочила с дивана.

– Что, мамуся?

– С кем это ты?

– Это Павел Дмитриевич, мамочка.

– Здравствуйте, Павел Дмитриевич, простите, я даже выйти к вам не могу, – умирающим голосом говорила Башкирцева. – Рита, пошли ко мне Машу, а потом приходи с Павлом Дмитриевичем – я, знаете, совсем больна, совсем больна...

За дверями послышался вздох и мягкие, как будто босые, шаги.

– Не говорите только, что я вам писала, – успела озабоченно бросить Дружинину Рита.

II

В будуаре Башкирцевой, глухом от материй, вместе с беспокойным, дразнящим ароматом, который оставался потом на платье, висел в воздухе острый запах туалетного уксуса и какой-то эссенции. Со всей обстановкой комнаты, пестрой и кокоточной, странно не гармонировал киот в углу и в зеленом стаканчике лампада.

– Вы знаете уже, что случилось... Вам говорила Рита, – устало и томно сказала Башкирцева, без пожатия подавая Дружинину мягкую, влажную, как будто бескостную, руку...

Дружинин не целовал у дам рук, и оттого, когда он и Башкирцева здоровались, у них всегда происходила какая-то заминка и Дружинин чувствовал себя неловко.

– Да, мне говорила Маргарита Ильинична, – ответил он, избегая взглядов зеленовато-серых глаз Башкирцевой и не зная, где сесть.

С головой, обвязанной белой косынкой, она сидела на тахте в чем-то мягком и длинном, и обвислые контуры ее располневшего тела беспомощно лежали в ковровых подушках.

– Я не знаю, за что нас так наказывает Господь Бог... – говорила Башкирцева, взглянув на киот. – Два года назад муж ездил в Лондон, я с Ритой была на курорте, у нас служили муж и жена поляки... Так они, знаете, что изволили сделать? Достали Ильи Андреевича шубу, фрак, еще что-то и преспокойно заложили все это... У них, видите ли, дома там что-то случилось, погорел кто-то, что ли. Я понимаю, может случиться несчастье – ну, так попроси, не так ли? Помню, на меня тогда этот суд так ужасно подействовал. И знаете, они еще были на нас недовольны, что мы оценили вещи выше трехсот рублей: это им для чего-то там, для смягчения наказания нужно было... И теперь эта история с этой девчонкой! Нет, это просто, знаете, сил никаких нет. Идти в суд Рите... Господи помилуй...

Дружинин что-то замычал и нерешительно промолвил:

– Но я не вижу особенных причин так уж волноваться... хотя, впрочем...

– Как не волноваться, Павел Дмитриевич?.. – возбужденно заговорила Башкирцева, задвигавшись на месте. – Ведь вы подумайте, какая это только грязь: ее подруга украла и она свидетельницей, ведь об этом и в газетах станут писать... это страшная грязь!

– Мамуся, тебе опять будет худо... – сказала стоявшая возле нее Рита, делая Дружинину знаки глазами.

– Оставь, пожалуйста, что может быть еще хуже того, что уже есть? Я всегда говорила тебе, что будь ты осторожна в этих знакомствах с людьми с улицы, – ну, вот видишь, на мое и вышло...

Переменив тон, Башкирцева повернула к Дружинину свое странно белое, как бумага, четырехугольное лицо:

– Я не знаю, Павел Дмитриевич, что это делается на свете. Куда мы идем, куда мы идем? Девочка молоденькая, интеллигентная крадет у своей хозяйки вещи... закладывает их...

– Но, говорят, она сильно нуждалась, – нерешительно отозвался Дружинин, как будто сам в чем-то виноватый.

Больной вид Башкирцевой, будуар, все эти дамские вещи, духи связывали и делали его нерешительным.

– Ах, оставьте, пожалуйста, какая это нужда заставит меня украсть. Никогда не поверю, просто безграничная испорченность нашего времени. Ужасная грязь, ужасная грязь...

За дверями послышалась характерная походка и голос Башкирцева.

– Р-разумеется, конечно – он мужик умный, понимает это, поверьте, лучше нас с вами, – говорил он кому-то.

– Мамочка, к тебе можно? – спросил он, заглядывая в дверь. – Я с Петром Петровичем...

И, войдя в комнату, Башкирцев сказал с своей веселой деланной улыбкой, с демонстра-торским жестом обращаясь к вошедшему за ним господину во фраке:

– Вот рекомендую: совет трех. Причем самый главный мастер заболел от чрезвычайного потрясения нервов...

Адвокат Михно, благодушно улыбаясь хозяйскому остроумию, особенно галантно, вероятно потому, что был во фраке, раскланялся с хозяйкой.

– Я вот позволил себе нарочно вызвать нашего Цицерона, чтобы успокоить тебя, – заявил Башкирцев. – Он говорит то же самое, что и я. Никто не станет ни приезжать на дом, ни оглашать показаний, раз человек болен и не может давать их...

– Да, конечно, конечно, – поддакивал Михно с не сходящей с лица, как казалось ему, светской улыбкой, стоя в позе оперного певца с шапокляком у ляжки.

– Так это можно? вы уверены, Петр Петрович? – сказала Башкирцева, с надеждой возводя на адвоката глаза.

– Да, конечно, конечно... что ж, это дело обыкновенное...

Потом Михно сощурился и мигнул в сторону Риты, стоявшей с сухими воспаленными глазами:

– Что, барышня, струсили?

– Я... нисколько, – обиженно отозвалась Рита.

– Ну, рассказывайте. Публика у нас страх суда боится... А что, она хорошенькая, эта юная преступница?

– Не хотите ли вы уж защищать ее? – с плутовской улыбкой сказала Башкирцева.

– Ну, что вы, что вы! Мало у меня своих дел!.. Вечно Мария Павловна придумает что-нибудь... – слабо защищаясь, говорил Михно со смущенной улыбкой избалованного женщи-нами светского льва.

– Ну да, рассказывайте!..

Башкирцева погрозила ему пальцем, и теперь, казалось, болезнь ее совершенно прошла.

– Подождите, я вот расскажу все Надежде Васильевне... Знаем мы эти ваши заседания!.. Кстати, как ее здоровье?

– Ну, друзья мои, вы беседуйте, а меня люди ждут, – озабоченно сказал Башкирцев, не любивший, когда говорил не он, а другие.

– Я ведь тоже на минутку, – заторопился Михно.

– Куда вы такой парадный?

– Нужно тут в одно место...

– Ой, смотрите, скажу Надежде Васильевне... – начала опять Башкирцева, подымая палец.

Но Илья Андреевич нашел, что этого жанра уже довольно, и деловито, по-хозяйски ска-зал, целуя ее в лоб:

– Тебе, мамочка, немного лучше, оденься, выйди, нужно будет легкую закуску соорудить... Пташников здесь... нельзя, он москвич, у них это водится...

Башкирцева, недовольная, что муж ловит ее на выздоровлении и не дает немного побол-тать, недружелюбно глянула на него своими серыми, сделавшимися вдруг злыми, глазами...

III

За ужином Дружинин испытывал чувство приживальщика, отказался есть и попросил себе стакан чаю. С особенной неприятной ясностью он не мог отделаться от мысли, что эти вина, серая глянцевиная икра в хрустальной вазочке, маринады, балыки поставлены не для него, а исключительно для тех пришедших из кабинета людей, и, собственно, для одного из них – Пташникова.

В песочном визитном костюме, безусый и розовый Пташников держался застенчиво, и Дружинину странным казалось думать, что этот робкий, европейски-аляповато одетый молодой человек имеет три миллиона. Его свежую молодость усиливали и подчеркивали рыжебородое обветренное лицо Дурдина, уверенное, пожившее Башкирцева и корректно-молодое, спокойное, как таблица умножения, лицо рано полысевшего инженера. Каждое из них носило тот отпечаток, о котором принято говорить «видел виды», и Дружинину становилось необъяснимо жаль Пташникова.

– Я, можно сказать, прошел огни и воды... – размеренно говорил Дурдин, из солидности не сразу выпивая налитую ему рюмку.

– И медные трубы, – добавил Башкирцев, дружелюбно-насмешливо кивнув Дурдину, и помог Пташникову взять с тарелки кусок.

Дурдин не улыбнулся и спокойно-уважительно смотрел на Башкирцева своими круглыми зоркими глазами.

– Нет, Илья Андреевич, в самом деле я много на своем веку всякого народа перевидал, но должен вам заметить... не потому што там в глаза или как, я человек простой и у меня такое заведение – што за столом, то и за столбом... Хотя вы и господин, но должен вам заметить, што в делах я редко видел таких дотошных людей и из нашего брата, чтоб так понимали. Это я не то што вам в глаза, а и где угодно...

Башкирцев слегка покраснел и, откинувшись на спинку, заговорил, покручивая усы:

– Да, жизнь, батюшка, учит... Раньше, чем нажать первые свои сто тысяч, я свой миллион прожил... и не жалею. Теперь, что у меня есть, все мое, трудом доставшееся. Люди только у нас в России очень уж инертны... вы посмотрите за границей... там мальчишка-разносчик, он с товарищами в компании покупает уж какую-нибудь недорогую акцию. Знает все колебания биржи. А у нас десятки миллионов в сундуках лежат – мозоли натирают, купоны обрезают.

Пташников улыбнулся:

– Покойник папаша, бывало, дня три иногда сидит, а никого не допускал, все сам... – сказал он, и по лицу его видно было, что за этим у него проснулось еще много воспоминаний.

– Хороший, должно быть, был старик? – любезно-механически улыбаясь, сказала madam Башкирцева. – Они ужасно милые, эти старозаветные люди...

– Да как вам сказать, многие считали его сердитым, ну, только это у него так, наружное, а человек он был добрый.

– Скажите, пожалуйста, у вашего батюшки какая торговля была? – спросил Дружинин и сразу же по беспокойно забегавшим глазам Башкирцева понял, что он задал неуместный почему-то вопрос.

– Что это, как будто немного угаром пахнет? – сказал Башкирцев жене...

Пташников немного сконфузился, но сейчас же с доверчивым и благожелательным видом ответил Дружинину:

– Мы гостиницы держали... Вот, если бывали в Москве, «Эрмитаж», «Калифорния», «Белый лебедь» – это все наше было... и так малых трактиров до двадцати...

– Зачем же вы их продали? ведь говорят, это очень выгодно? – выпалила Рита и посмотрела на всех.

Инженер чуть улыбнулся в углах рта... Пташников больше зарделся.

– Рита... – сказала Башкирцева, делая брезгливые глаза.

Дружинин сам почему-то покраснел, но вступился за Риту:

– Действительно, это дело дает, кажется, хорошие барыши...

На лицо Башкирцева набежала тень.

– Очень было бы печально, – внушительно и грустно заговорил он, барабанив по столу своими белыми крупными пальцами, – если бы молодые люди, полные сил и способностей, сидели в питейных заведениях. Кому же, как не молодым капиталистам, быть культуртрегерами нашей отсталой промышленности. Геннадий Васильевич вступает вот в наше общество химических заводов, и это, поверьте, интереснее, полезнее и почетнее, чем торговать рюмками. Вы вот сами говорите, что газетная работа выгодней чистой беллетристики, но, однако, пишете рассказы.

– Ну, это, мне кажется, одно с другим не сравнимо, – не согласился Дружинин. – Я по крайней мере думаю, что личное моральное значение всякой деятельности определяется ее целью. Цель торговли – нажива, а потому самая желательная торговля та, которая больше дает.

– Как на чей взгляд.

Башкирцев пожал плечами и обратился к Пташникову:

– Вы когда предполагаете возвратиться?..

К десяти часам гости поднялись. Пташников и Дурдин уезжали с одиннадцатичасовым в Москву. Инженер провожал их, Башкирцев извинился усталостью. Дружинин тоже начал прощаться, но Башкирцев удержал его.

– Оставайтесь, я хочу попросить вас об одном деле...

Когда гости и хозяйева проходили через полутемную диванную, Башкирцев взял за локоть Дурдина и задержал шаги. Оставшийся сзади Дружинин успел услышать начало фразы...

– Ты же смотри...

И Дурдин громко ответил:

– Да что вы, Илья Андреич, рази я сам себе враг...

Это обращение Башкирцева к Дурдину на «ты» в связи с впечатлениями всего вечера вдруг без колебаний и переходов объяснило Дружинину многое, что раньше отпечатывалось в его мозгу туманно и неясно, как предчувствие. Он сразу вспомнил тысячу мелочей, наблюдаемых в доме Башкирцевых, которые, дополняя одна другую, объяснили ему нечто страшно неприятное, тяжелое и противное. Теперь небольшим фактам Дружинин придавал большое значение.

Перед ужином Башкирцев с гримасой оглядел костюм Риты и сказал:

– Ты бы, знаешь, тово... чужие люди, а у тебя этот артистический беспорядок.

Эта показная бутафорская роскошь и всегда какие-то деловые люди, шушуканье. Впечатление ожидания чего-то, что должно разрешиться и сделать всех счастливыми...

И Рита говорила часто: «Вот устроятся дела папы, мы поедем в Ниццу...»

А что это были за дела – никто точно не понимал, хоть при разговоре о них кивали сочувственно и на лица набегала тень глубокомыслия.

И когда Башкирцев, возвратившись из передней, расстегнул три пуговицы жилета и с облегченным видом актера, сошедшего со сцены, весело и громко по-домашнему сказал, – слушай, мамочка, нельзя ли нам чаю сюда, – Дружинин почувствовал, что он как будто состоит в молчаливом против кого-то заговоре.

– Вот, батюшка, видали синицу? Три миллиона нетронутых денег на текущем счету держит... – сказал Башкирцев, разваливаясь в кресле.

– Ну, что он, как? – с тревожным и униженным лицом нерешительно спросила Башкирцева.

– То есть что это «как»? – строго сказал Башкирцев и дал этим понять, что вопрос, который затрагивает жена, чисто домашний, неудобный при посторонних.

– Павел Дмитриевич свой человек, – как бы оправдываясь, робко отозвалась жена.

Башкирцев выпустил из надутых щек воздух и расстегнул еще одну пуговицу жилета.

– Устал я сегодня зверски, – сказал он, подавив судорогу зевоты, и, помолчав, обратился к Дружинину с обычной у него уверенностью и определенностью голосовых интонаций: – Хотел я вас, дружище, попросить вот о чем: съездите, пожалуйста, ну, хоть завтра, в дом предварительного заключения и, если вам позволят увидеться с этой девицей, объясните ей, что это очень неделикатно с ее стороны людей, которые относились к ней хорошо, принимали участие, таскать по судам. Должна же она это понимать.

Рита, перебиравшая у рояля ноты, бросила тетради, выпрямилась и, опустив вдоль тела руки, как бы приготовилась к чему-то. Она значительно взглянула на Дружинина, но тот сидел в кресле согнувшись и глядел не то в пол, не то себе в колени.

– Я бы это сделал и сам, но вы видите, у меня минуты свободной нет... – добавил Башкирцев, так как Дружинин молчал.

Последний и на это ничего не ответил, а когда заговорил, то в это же время начал что-то говорить и Башкирцев, они столкнулись первыми слогами и замолчали.

– Виноват, что вы хотели сказать? – извинился Башкирцев.

– Меня немало удивляет, Илья Андреевич, – глухо и медленно начал Дружинин, не подымая головы, – что вы, не зная даже, как я смотрю на этот предмет, предлагаете мне уже ехать куда-то, что-то устраивать по тому плану, который вам нравится.

– То есть это вы о чем же? – наморщившись, спросил Башкирцев, в первый раз повернув лицо в сторону Дружинина.

– Да видите ли, дело в том, – заговорил Дружинин громче и встал с кресла, – что я на всю эту историю несчастья со Снежкой смотрю, кажется, совершенно иначе, чем вы.

– Ах, вот как... тогда извините, пожалуйста, как же вы смотрите?

– Я смотрю так, что долг всякого порядочного человека помочь своему гибнущему ближнему... Тем более что и помощь эта в данном случае выражается в немногом: прийти в суд и сказать, что человек беспомощный, не умеющий заработать, страшно нуждался и выбрал из двух падений то, которое ему казалось легче... я так смотрю.

Рита все время стояла, не меняя позы, с немигающими, сделавшимися огромными глазами, и два раза, пока говорил Дружинин, думая, что он кончил уже, сорвавшимся голосом говорила: «Папочка».

– Ну, вы что можете сказать? – обратился к ней Башкирцев, когда Дружинин умолк и остановился у окна спиной к комнате.

– Папочка, ведь она действительно страшно нуждалась, ведь нужно же ей помочь, бедной, ведь иначе ее осудят...

– И помощь эта должна выражаться в том, – заговорил отдельно, сухо и металлически-звонко Башкирцев, – чтобы в публичном заседании столичного суда mademoiselle Башкирцева выступила как близкий друг подсудимой? Ведь другого положения нет.

Рита подняла к подбородку стиснутые руки и зазвеневшим голосом быстро заговорила:

– Папочка, но ведь ее иначе осудить могут, ведь кто там за нее заступится. Если ее осудят, я никогда себе этого не прощу, мне все будет казаться, что в этом я виновата.

– Что ты говоришь, Рита, – болезненно отозвалась Башкирцева, все время боявшаяся вступить в разговор, видя, что он благодаря данному Дружининым тону принимает серьезный, обостренный характер, – что ты говоришь, опомнись! Пусть уж Павел Дмитриевич так говорит, он чужой человек, но как ты нас и себя не жалеешь... ведь это такая грязь, такой ужас!.. ведь об этом станут в газетах писать... Я не говорю, конечно, но это может и на делах наших отразиться.

– Не говори глупостей! – сурово оборвал ее Башкирцев.

Дружинин быстро и резко обернулся от окна.

– И что вы так настойчиво говорите, Мария Павловна, о грязи? Поверьте, в каждом из нас столько грязи, что ее хватит на сто таких несчастных девушек, как Снежка.

Башкирцева вопросительно посмотрела на мужа.

– Я думаю, что тебе самое бы лучшее уйти отсюда, – сказал он дочери.

– Папочка... – вырвалось у Риты, и она, не отымая от подбородка рук, осталась на месте, как будто собираясь броситься перед кем-то на колени.

Все почувствовали, что какая-то струна, соединяющая находящихся в комнате, натянулась до последней возможности и собирается лопнуть.

Башкирцев близко начал рассматривать ногти и заговорил в нос и комкая слова:

– Я уже давно собирался вам сказать, Павел Дмитриевич (Дружинин в эту минуту подумал, что за несколько месяцев Башкирцев его в первый раз назвал по имени и отчеству)... но все как-то откладывал, теперь это, кажется, наиболее удобно...

Башкирцев похлопал пальцами правой руки по щиколоткам сжатой в кулак левой, потом быстро встал и почти весело, глядя прямо в глаза Дружинину, сказал:

– Я нахожу, что ваше общество вредно для моей дочери...

Как ни далек был Дружинин от слияния со всей этой, как он иногда называл, башкировщиной, но в эту минуту он почувствовал, что вся эта хорошо знакомая ему обстановка гостиной, эти люди, которых он видел довольно часто, и даже сама Рита – все вдруг как-то сразу отодвинулось и стало ему совершенно чужим и неприязненным. Сам Башкирцев, уверенный и неприятный, в расстегнутом сверху жилете, напоминал ему почему-то одно ресторанное столкновение, где пожилой господин коммерческо-кабинетного типа говорил с ним изысканно-вежливо, но Дружинин и бывшие с ним и даже лакей каждое мгновение ждали, что сейчас начнется свалка. Как и тогда, Дружинин почувствовал, что ему трудно дышать и легкий приступ какой-то общей нудности, похожей на тошноту. Вместе с тем в голове Дружинина быстро, вместе с приливом крови в виски, созрело решение, что теперь наступил «момент» и он должен сказать все то, что долго копилось в нем против Башкирцева и чего он никогда не собирался говорить ему.

– Вы это находите? – сказал Дружинин чужим голосом и высохшим ртом, и в переводе это значило: я тебя ненавижу...

– Да, я это нахожу, – ясно и резко ответил Башкирцев, прямо глядя в глаза Дружинину, и это означало: я тебя тоже.

– Рита, уйди отсюда, – крикнула Башкирцева.

– Папочка, папочка! – восклицала Рита...

Но у двух стоявших друг против друга людей уже началось то «нечто», что не ищет ни логики, ни оснований, не замечает места, времени, разницы возрастов, положений...

– Так я же вам на это скажу, – заговорил Дружинин вдруг окрепшим голосом бешенства, – что самое вредное, самое развращающее, самое грязное общество у вашей дочери это вы сами, ваши темные операции, жулики, с которыми вы водите компанию и устраиваете ваши делишки... бездельная жизнь не по средствам, отсутствие принципов в вас самих, принципов и человечности, – вот от чего она может развратиться, а не от моего общества...

Все на минуту окаменело... Привлеченный голосом Дружинина, в двери выглянул лакей и сейчас скрылся. Башкирцев, зажав в руке горсть брелоков от часов, очевидно, не знал еще, что он сейчас сделает.

– Или вы сию минуту уйдете, или я выброшу вас, как щенка, – сказал он, не разжимая зубов, и глаза его неестественно округлились, лицо стало похожим на кусок вареного мяса – обнаженное от светскости, приличий и напускного благодушия, оно представлялось только старым, животно необузданным и страшным.

– Поберегите эти угрозы для ваших лакеев, жалкий пройдоха!.. – крикнул Дружинин.

Башкирцев двинулся вперед, но его схватили сзади чьи-то руки. Это вскочила с места Башкирцева.

– Илья, что ты! Рита, уйди отсюда... – говорила она сквозь слезы.

Рита бросилась на середину комнаты.

– Папочка, Павел Дмитриевич, оставьте, голубчики вы мои, – говорила она, ломая руки и как будто опускаясь на колени.

– Павел Дмитриевич, уйдите ради бога! – кричала Дружинину Башкирцева.

– Я завтра же еду к градоначальнику и этого мазурика вышлю в двадцать четыре часа, – хрипел Башкирцев.

Дружинин уже не соображал, что он делает, с побелевшими губами, с пеной в углах рта наступал на Башкирцева.

– Раньше, чем ты поедешь к градоначальнику, я Пташникову напишу... я выведу тебя на свежую воду с твоими дурдинскими коммерциями... не бывать твоему акционерству, врешь!.. Ты его в зятя метишь – и это я скажу, врешь... я все махинации разоблачу, печатно разоблачу... и к процессу Снежко я тебя притяну... там тоже кое-что есть... врешь.

Послышался чей-то женский визг и одновременно хруп и топот ног, что-то тяжелое потащили по полу. Это Башкирцев с изуродованным лицом бросился к Дружинину, но на нем повисли жена и дочь. И странным было в это время совершенное отсутствие прислуги, наполнявшей дом...

– Павел Дмитриевич, уходите, голубчик, уходите, – кричала ему Рита... оставила отца и потащила Дружинина к выходу...

Забрав в руки пальто, калоши и шапку, Дружинин вернулся к дверям. Рита не пускала его, но он продвинулся до половины и злорадно крикнул:

– О Пташникове, господин акционер, не забудьте, я вам покажу, кто кого вышлет...

Дома Дружинин, не раздеваясь, сел у стола и тупым, нежалеющим укусом зажал зубами мякоть пальца.

Прошло два дня. Дружинин получил письмо. На желтой дорогой бумаге с трепаными концами Башкирцев писал ему своим крупным министерским почерком:

«Павел Дмитриевич, в том, что произошло между нами, я думаю, не виноваты ни вы, ни я. Хорошие отношения не могут рваться между людьми только потому, что они очень нервны и не умеют сдерживать своих порывов. Приходите, мы будем вам очень рады. Сара Бернар даже заболела, бедняжка».

Дружинин ничего не ответил.

На другой день Башкирцев два раза приезжал к Дружинину, но не заставал его дома.